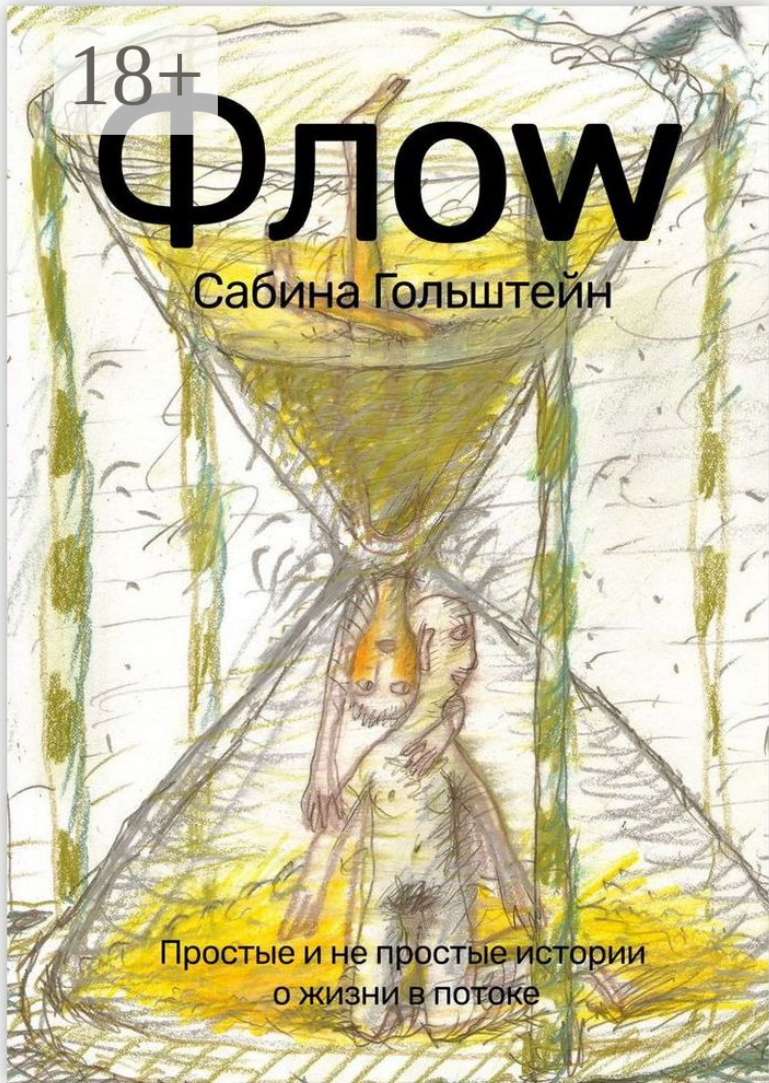

18+

ФЛОУ

Сабина Гольштейн

Простые и не простые истории
о жизни в потоке

Сабина Гольштейн
Флоу. Простые и не простые
истории о жизни в потоке

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57489076
ISBN 9785449877260*

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. «Оказывается, все мы обладаем знанием, нужно только уметь стучаться в нужные двери и подбирать к ним верные ключи...» Жизнь и смерть, семья и любовь, трагические страницы истории еврейского народа, поиски Бога и смысла человеческого существования – все эти темы органично переплетаются на страницах книги Сабины Гольштейн и складываются в одно четкое, светлое послание, продиктованное словно бы самой вечностью...

Содержание

Клара	6
Эстер	32
Нати и Лоранс	39
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Флоу

Простые и не простые истории о жизни в потоке

Сабина Гольштейн

Хочу сказать огромное спасибо всем тем, кто приложил руку к изданию книги: Наташе Кравец, Саше Галицкому, Ксю Борисовой, моей семье и друзьям, принявшим участие в проекте!

*Тот, который смотрел прищурясь,
Видел мир в венчиках света,
Видел лето, хотя была осень,
Видел осень, хотя было лето...*

*Тот, который мечтать учился,
Долго-долго смотрел прищурясь,
Разглядеть пытался сквозь годы – время,
А сквозь оболочку – сущность...*
(Написано мной в четырнадцать лет и пронесено через жизнь.)

Редактор Наталья Астанина
Корректор Мария Устюжанина
Иллюстратор Ксю Борисова

Иллюстрация на обложке Саша Галицкий
Помощь в оформлении и издании Наташа Кравец

© Сабина Гольштейн, 2020

© Ксю Борисова, иллюстрации, 2020

© Саша Галицкий, иллюстрация на обложке, 2020

© Наташа Кравец, 2020

ISBN 978-5-4498-7726-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Клара

Всем мамам посвящается...

«Как же мне всё надоело. Опостылело», – думала Клара, возвращаясь с работы. Она только что запаслась продуктами на ближайшую неделю. Решив экономить на всём, посыльного из магазина не брала.

«Ничего, донесу как-нибудь, не впервой, – уговаривала она себя, забежав за Йоником в школу. – На кого я стала похожа». Клара мельком глянула в зеркало, висевшее в школьном холле. На неё смотрела уставшая, слегка взлохмаченная тётка с тёмными кругами под глазами и едва намечающимися морщинами. Клара с горечью оглядела представшую перед ней картину, особенно внимательно вглядываясь в свой так и не ушедший после последних родов живот, как будто он сойдёт на нет, если она будет испепелять его взглядом.

– Йонь, привет, давай быстрее.

– Мам, мне нужен учебник. Мама, тут записка от учительницы, а мы пойдём сегодня в «Макдональдс», а? Мам, ты знаешь, мне очень нравится Галь. И вообще, я решил на ней жениться.

Клара, как всегда, напряглась от сыновнего натиска.

– Йонь, я сейчас с ума сойду от твоих ста слов в минуту. Собирайся скорее, пожалуйста. Мы постоянно опаздываем!

«Ну вот, опять я его зря обидела, – сразу пожалела она, – почему я всё время лечу куда-то? Времени нет ни на что, ни на себя, ни на детей, а ведь ещё вчера мне было двадцать. И никаких животов и морщин. Как за один день я вдруг стала почти сорокалетней женщиной с тремя детьми и тремя ссудами в банке? О господи, о чем я думаю, ясли сейчас закроются», – спохватилась Клара.

В яслях она застала зарёванную и благоухающую отнюдь не розами Талю. Воспитательница укоризненно пожалала плечами:

– Вы же знаете, как она не любит оставаться последней.

Клара уныло пошла за мокрыми салфетками. Отмытое и обласканное дитя льнуло к матери, и она вдруг подумала о том, что не за горами то время, когда дети вырастут и не захотят так нежно прижиматься к ней и ловить каждое её слово. Йонька станет выпаливать свои сто слов кому-то другому, а не ей... Всё-таки какая она счастливая. Даже с этими вечными болезнями, покупками и долгами. Это было её мгновение. Осознание факта, что жизнь удалась. Вдруг в голове появилась мысль ещё об одном ребёнке.

Клара проснулась в полпятого от мучительного приступа утреннего токсикоза. Мысль оказалась материальной, и брошенное в эфир пожелание заполучить ещё одного младенца

практически молниеносно воплотилось в жизнь. Она уже сожалела о своём скоропалительном желании, с ужасом представляя новые жизненные трудности. Мошик, в прошлой жизни Мишка, тихо посапывал рядом, смешно растопырив пальцы ног. Клара нежно погладила его плечо. Тошнота отступила вместе с чёрными мыслями. Она с умилением вспоминала, как он носился с ней, словно с писаной торбой, когда она была беременна Рахелью. Он безумно хотел мальчика.

Вчера не было никаких сил готовить, видимо, сказывалась беременность. Клара всегда ослабевала в первый триместр. Как будто кто-то пил из неё соки, впрочем, это было недалеко от истины.

«Дети вернутся из школы и съедят меня», – подумала Клара. Но вылезать из тёплой постели в столь раннее время совсем не хочется, а представив ароматы готовящейся еды, Клара почувствовала новый приступ тошноты. «Ну его, пиццу закажем». Она повернулась на другой бок, убедившись, что будильник позвонит ровно через час, и сладко уснула на широком Мошкином плече, которое стало абсолютно родным за девятнадцать лет их, в общем-то, счастливого брака.

На работе секретарша лениво заваривала кофе, начальник, как всегда, опаздывал.

Клара посмотрела на свой живот. Каждый раз она поражалась своему соучастию в этом таинстве. В первую беременность она надеялась, что вот сейчас, ещё чуть-чуть, и ей откроются все тайны бытия. Но живот рос и жил отдельной жизнью, а тайны так и остались за семью печатями. От этого было даже ощущение лёгкой обиды. Её использовали как сосуд, она не чувствовала себя волшебницей, творящей жизнь, скорее – инструментом для творения.

– Клара! Тебя Виктор зовёт, – сквозь грёзы к ней прорвался голос секретарши, – подготовь инструменты, у нас сегодня много народу.

Доведёнными до автоматизма движениями раскладывала инструменты, готовила смеси и лекарства. Стоматологическая клиника просыпалась, и уже стали появляться первые пациенты.

Она в принципе любила свою работу. Учиться серьёзно у неё не получилось. Сначала репатриация, потом буквально через год свадьба, потом через полгода рождение Рахели. Да, они поженились «по залёту». Она вспомнила налившиеся кровью глаза отца, немигающие, страшные, в упор разглядывающие шуплую тогда Мишкину фигуру. На неё отец даже смотреть не мог. Он презирал её в тот момент. Любимая дочка, отличница, надежда всей семьи. И вдруг беременность в девятнадцать лет. У него были совсем другие планы на её будущее. Слава богу, мама Миши помогла разрешить эту ужасную ситуацию. Она засуетилась и стала громко ра-

доваться внуку...

Почему они все так были уверены, что у неё мальчик? Она чувствовала, что это не так, но хранила своё предчувствие в себе. Боялась их расстроить. Какими детьми они тогда были... Хотя что, собственно, изменилось с тех пор, кроме их тел, чуть более обрюзгших, стремящихся ближе к земле? В душе она оставалась всё такой же слегка замкнутой девочкой, обманувшей надежды самых близких ей людей. Это был обычный день в череде дней её жизни. Все так же сыпался песок в песочных часах, которые перевернули тридцать восемь лет назад её родители. А в животе у неё билось сердце нового человека. Они с Мишкой снова перевернули ещё одни песочные часы...

Арье Лейб сквозь дрему вспоминал события недавнего прошлого. Ничто в его тихой, размеренной жизни не предвещало страшного конца. Он словно сейчас видел маленький покосившийся домик в деревне со смешным названием Кобылка в зелёной бессарабской глуши. Раннее утро, колодец. Мать, идущая тяжеловатой походкой с полными ведрами. Её обветренное, прекрасное лицо, русые волосы, выбившиеся из-под косынки.

Гойка – так насмешливо звал её отец за небесные глаза и римский профиль. Она действительно смотрелась невесть

откуда залетевшей птицей среди смуглых и волооких сестёр. Отец грезил Эрец Исраэль. Он чуть не бросил их всех в погоне за этой мечтой. На его пути встал дед. Сильный был человек. Волевой. Без царя в голове. В деревне его не только боялась родня, но даже местная ватага парней старалась обходить стороной. Обещал найти и убить отца, если бросит семью. То ли совесть в отце взыграла, то ли действительно деда испугался, но никуда он не уехал. Жаль. Может быть, и не ушло бы тогда все их семя в золу Освенцима.

Никого не пощадила старуха с косой. Ни маленькую Рахель, ни отца, ни даже деда. Их старого, несгибаемого деда. Он ушёл первым. Слишком непокорным был его нрав, чтобы жить так, как им пришлось жить эти последние месяцы. Он просто вышел из колонны. Это было настолько неожиданно для конвоиров, что они не сразу осознали происходящее. Он успел отойти метров на сто, когда короткая очередь прервала жизнь Хаима-Янкеля Фиша, семидесяти лет от роду, снова обретшего свободу от очередного брэнного земного существования. А они тогда продолжали идти. Он видел, как отец молча плачет и как смотрит мать взглядом загнанной гордой лани. Он тихо уснул, забывшись от тяжких воспоминаний. Откуда-то сверху уютно стучало материнское сердце. Они стали одним целым с ней, связанные общей судьбой. Верхний конус песочных часов его новой жизни был ещё полон, и песок сыпался вниз тонкой, ровной, убаюкивающей струйкой.

Какая-то вселенская печаль поглотила Клару. Ей не было внешних объяснений. На работе и дома все шло своим чередом. Таля благополучно отказалась от подгузников и полюбила щеголять по дому босоногая и голопопая. Шкодник Йонька часто этим пользовался, так и норовя залепить сестричке звонкую и очень обидную оплеуху. У Рахели бурлила своя жизнь. Ей скоро исполнялось восемнадцать, близилось окончание школы, и её с головой поглотили экзамены.

Мысли о детях отвлекли Клару, и облако печали чуть отступило, ушло обратно вглубь. «Неужели гормоны так играют? Но ни в одну беременность не было ничего подобного, — размышляла она. — Может, мне витамина В не хватает?»

Самоуспокоение не помогало, и душевные метания, грусть и какая-то то ли злость, то ли даже ярость стали её постоянными спутниками. Ей казалось, что она видит внутренним зрением источник этих эмоций. Закрывая глаза, она концентрировалась на центре живота, на том самом месте, где тихо рос её новый ребёнок. Это были совершенно незнакомые ей ощущения, о которых она боялась рассказывать даже Мишке. Так и несла их в себе.

Между тем живот рос, и ей казалось, что она уже чувствует это волшебство, будто бабочка пролетела внутри. Первые, очень мягкие движения своего ребёнка. Она всё больше от-

далялась от внешнего мира. Как часто случается с беременными женщинами, все её чувства, мысли и устремления были обращены внутрь. Нет, она продолжала всё так же утром вставать на работу, произносить ласковые слова. Но это будто бы была вторая Клара, а она настоящая находилась где-то между небом и землёй, став одним целым с ещё неродившимся существом. Это второе существование наполняло ужасной, неизмеримой болью, которая росла с каждым днём. И однажды вся боль и ужас проявились на физическом уровне, и Клару увезли в больницу с острым приступом аппендицита.

– Он не доверяет мне. Он не хочет наружу, – плакала Клара, – он чувствует мои сомнения. Но я люблю тебя. Я люблю тебя нерождённого больше всего на свете. Я спрячу тебя у моей груди, тебя никто никогда не обидит.

У неё поднялась температура, и начался бред. Мошик дежурил у её постели.

– Уже давно развеян пепел. Ты поедешь туда на экскурсию. Это больно, но уже совсем не страшно.

– Клара, ты бредишь, очнись! Тебе сделали операцию. С ребёнком все хорошо.

– Мне снился наш сын. Он не хотел, но я уговорила его, я обещала...

– Кларочка, это только сон. Это от наркоза. У нас будет мальчик, и с ним всё хорошо.

Воспоминания Арие Лейба становились всё менее отчётливыми. Он уже не помнил, кем были эти люди. Чёрно-белым калейдоскопом мелькали картины чьей-то жизни. Коровник. Сладко и чуть затхло пахнет парным молоком, сеном и навозом. Какая-то высокая женщина кормит ребёнка. Он чувствует её любящий взгляд, он слышит её мысли. «Он будет жить долго и счастливо. Он родит много детей. Это дерево будет плодоносить вечно. Он увидит Иерусалим». Мёртвый старик на обочине, в грязи, весь в крови. Его слепые глаза обращены к небу. На его умиротворённом лице застыла странная улыбка. Кто-то завидовал этому старику. Он только не может вспомнить кто.

Опять женщина из коровника. Она в другом ряду. Всё. Он её больше никогда не увидит. Человек с узнаваемым лицом, от которого остались одни мощи, носит камни. Он тоже носит камни. Человек шепчет ему: работай. В работе спасение. Но он не может. Он больше не может. Он хочет уснуть, и пусть тёплой мягкой периной ему станет земля, а снежный покров – долгожданным саваном. Он не хочет жить. «Зачем я родился? Жизнь – это средоточие зла. В этом мире мне нет места. Я не хочу иметь здесь своё место. Я хочу НАВСЕГДА уйти из этого страшного мира». Вспышка. Темнота. Никто и нигде. Мира нет, меня нет, времени нет. Всё сложилось

в бесконечную точку.

У Миши случилось неожиданное повышение по службе. Ему предложили должность начальника крупного строительного проекта. Должность включала в себя массу невиданных ими доселе привилегий. Машину от работы, пенсионную программу и много других приятных мелочей. Он радовался как ребёнок. Посадив Тальку на плечи, он изображал лошадь, одновременно ухитряясь периодически наезжать на Йоника, который моментально включился в игру. Клара, ещё не совсем оправившаяся от операции, с умилением наблюдала за своим многочисленным семейством.

«Видишь, мой мальчик, как хороша бывает эта жизнь? – вдруг подумала Клара. – Посмотри, какая семья ждёт тебя и уже любит».

Словно почувствовав её мысли, Таля слезла со спины отца, подошла к Кларе и прижалась щекой к её животу.

– Блатик, Аличка, – пролепетала она, – холёсий. Ляля.

«А ведь действительно, Арие – Арик, Аринька», – словно примеряя имя, как новую одежду, подумала Клара.

– Миша, по-моему, Таля сейчас дала имя своему брату.

– Ну Арик так Арик. Лев. Почти в честь моего отца... Хорошее имя для пацана. А представляете себе, как мы загуляем. Сядем в машину и поедем куда глаза глядят. Здесь так

много красивых мест, про которые мы ещё ничего не знаем, – размечтался Мишка.

– Что-то мне ещё нездоровится, я пойду полежу, – сказала Клара. Она снова уплывала куда-то на одиноком и грустном облаке.

Перед внутренним взором души, звавшейся в последнем своём пребывании на Земле Арье Лейбом, мелькали вереницы воплощений – рождение, жизнь, смерть. Словно кто-то включил длинную ленту немого кино. Лента прокручивалась с конца. Иногда по каким-то неведомым законам временная хронология нарушалась. Изредка эпизоды из нескольких жизней смешивались друг с другом. Он видел древний Иерусалим. Он присутствовал при разрушении храма. Он горел на костре, разожжённом испанской инквизицией. Он был рождён и уничтожен бессчётное множество раз. Лишь одно событие повторялось из раза в раз, из жизни в жизнь. Высокая светловолосая женщина каждый раз предсказывала ему, что он будет жить долго и его род никогда не угаснет. Но ни в одном из воплощений ему не удавалось осуществить предсказанное. Каждая его жизнь оканчивалась в ещё больших муках, чем предыдущая. Он снова и снова убеждался в жестокости этого мира и с каждым разом стремился всё быстрее оттуда уйти. Но какая-то неуловимая сила возвра-

щала его на Землю. И раз за разом он делал свой выбор. Он не хотел жить. Это нежелание разрасталось в нем чёрным цветком ещё в материнской утробе. Он мечтал о забвении. Об истинном небытии.

Слепое белое солнце тускло светило сквозь пыльную бурю. Клара всегда очень плохо чувствовала себя здешней весной, в то время, когда приходили сюда эти ужасные ветра из пустыни. В пыльной дымке город выглядел живым мертвецом. Сквозь завесу пыли, словно наваждение, проглядывали здания и деревья. Всегда такой белый, слепяще-нарядный под безжалостным дневным солнцем, сегодня город стал похож на собственный призрак, затерявшийся где-то между временем и пространством. Вне времени и пространства. Клара забылась тревожным сном.

Мальчик, нет, подросток стоял рядом с морем. Он был абсолютно гол. Рядом на песке лежала его одежда. Заходило солнце. Единственное, что нарушало эту умиротворяющую картину, было отчаяние в его глазах. Глазах загнанного, раненого зверя. Клара поняла, что стоит только захотеть, и она сможет увидеть мир через призму его зрения. Усилием воли Клара заглянула в его мысли. «Зачем они оставили в живых именно меня? Они перебили всех, всю деревню. Я должен был умереть одним из первых, но я испугался, я хотел

жить, и они пришли и убили их всех на моих глазах. Проклятые римляне. Как жесток наш Бог, как ужасен и тёмнен этот мир». Мальчик стал заходить в море. Клара подумала, что свежее дыхание воды придаст ему сил. Но вот он зашёл в воду по горло, и мягкие волны, набегая, накрывали его с головой. Он просто стоял покорно, не пытаясь сопротивляться, просто ждал, когда милосердное море избавит его от этих мук, и он обретёт долгожданное забвение. Словно услышав его молитвы, накатило несколько высоких волн, и его хрупкое тело исчезло, как будто растворившись, под водой.

Резко подскочив на кровати, Клара усилием воли скинула с себя чары страшного сна:

– Этот хамсин сведёт меня когда-нибудь с ума.

Тусклое белое солнце заходило, дав возможность родиться на завтра новому свежему дню.

Живот округлился и потяжелел. Клара всё больше прислушивалась к новой жизни, растущей у неё внутри. «Восьмой месяц, как время пролетело», – думала она. Мальчик, Арик, как они с подачи маленькой Тали стали его называть, уже всю подавал признаки жизни. Клара, улыбаясь, сравнивала его нежные, тихие прикосновения с бурными Талькиными. Та дралась отчаянно, и у Клары периодически возникало ощущение, что в животе живёт не маленькая девочка,

а парочка буйных революционеров. Движения Арика ощущались совсем по-другому. Они были тише, нежнее и как-то грустнее, что ли.

Вдруг что-то ледяное зашевелилось в Клариной душе, и она, бросив взгляд на брюки, заметила, что они перепачканы в крови. Все её дети приходили в этот мир ровно по-середине тридцать девятой недели, и ни разу за беременность у неё не возникало мысли, что это может случиться иначе. Ей стало жарко, сердце забилося с бешеной скоростью, и она попыталась сообразить, что же сейчас делать. С ужасом поняла, что не может вспомнить номер скорой помощи. Дрожащими руками стала лихорадочно набирать Мишкин номер. Его мобильный телефон, как назло, оказался отключённым. Клара почувствовала, что весь мир вокруг покрылся тусклой плёнкой, предметы потеряли свои привычные формы и стали удаляться от неё. В это время Рахель, вернувшись из школы, поворачивала ключ в замке.

Человек шёл по пустыне. Выжженная почва, казалось, забыла о существовании воды. Нещадно слепило и обжигало солнце. Редкие растения словно пытались распластаться по земле, прикинуться к ней в поисках долгожданной влаги. Человек шёл, не зная куда и зачем. Он исходил так не первую и не вторую жизнь. Ему говорили зачем, но он не слышал.

Ему показывали всевозможные варианты пути, но он не видел. Слепой и глухой, всё, что он видел вокруг себя, – это сухую, безжизненную поверхность. С самого начала у него, как и у остальных, были открыты все дороги. Но он неизбежно находил себя здесь, в пустыне. Без воды и еды, без близких и друзей. Внутри него звучали голоса, но он отмахивался от них, как от назойливых мух. Сначала очень слабо, потом всё сильнее и сильнее, практически переходя в крик, звучал голос: «Живи! Это твой последний шанс понять зачем и как».

Клара очнулась на операционном столе. Вокруг суетились врачи и медсёстры. Клара было испугалась, что уже умерла, но тут же узнала гинеколога, к которому приходила советоваться в прошлую беременность. Он вроде не умирал, значит, и она жива, Клара вдруг вспомнила случившееся.

– Очнулась, – улыбнулся ей молодой врач, стоявший слева, – не переживайте, всё хорошо. Мы делаем вам кесарево. У вас отторжение плаценты. Постарайтесь успокоиться. Мы сделали вам местный наркоз, и вы ничего не почувствуете.

Клара попыталась посмотреть в сторону живота, но увидела только что-то вроде простыни в районе груди и головы врачей, стоявших рядом с её животом.

В коридоре Миша нервно кусал губы, слушая рассказ старшей дочери. Рахель, напуганная происшедшим, была бледна как полотно. Мишка вдруг с нежностью подумал о ней: «Выросла моя маленькая девочка». Он обнял Рахель

за плечи и сказал, что всё самое страшное уже позади. Рахель вдруг заплакала горькими слезами у него на плече, так, как умеют плакать только дети – из глубины души, от всего сердца. Из операционной вышел молодой врач и направился напрямиком к Мише и Рахели.

Клара брела по незнакомой пустынной местности. Унылый вид навевал тоску. Она помнила, что ищет здесь кого-то, и надо обязательно продолжать идти, иначе случится что-то страшное и непоправимое. Ей ужасно хотелось пить. Но на километры вокруг не было ни капли воды. Только сухая, потрескавшаяся почва. Вдруг Клара обнаружила, что стоит у подножия горы. «Иди, – сказал ей кто-то, – он ждёт. Он согласен». Она стала взбираться на гору на четвереньках, обдирая руки и ноги в кровь, соскальзывая, нависая над пропастью. Добравшись до середины, она потеряла ориентир и вдруг поняла, что падает, скатывается кубарем. Но, к счастью, зацепилась за уступ краешком платья. Всеми силами она пыталась удержаться...

– Жить будет, – откуда-то снаружи послышался голос.

Клара медленно, мучительно прорываясь в эту реальность, открыла глаза. Из тумана стали вырисовываться знакомые черты врача, делавшего ей операцию. Вспомнив, что находится в больнице, она судорожно пыталась спросить

что-то, прочистив пересохшее горло.

– Им занимаются врачи. Опасность миновала и для него, и для вас. Поспите, – сказал знакомый доктор.

Клара прикрыла глаза, пытаясь вспомнить, что же произошло там, на той горе посреди пустыни...

Рахель молча плакала, зажав рот кулаком. Миша пытался понять, что же делать раньше: бежать к Кларе, хотя, наверное, к ней ещё не пускают, или к сыну... Как же так? Он вновь и вновь перебирал в уме слова врача: «У ребёнка, предположительно, врождённое генетическое заболевание. Это встречается очень редко. Видимо, какая-то генная мутация. Но с точным диагнозом придётся пока подождать. У него сильнейшее поражение слуха и зрения. Насколько сильное, будет яснее, когда он подрастёт. Пока что хорошие новости: младенец и мать вне опасности. Хотя она сильно ослабла – потеряла много крови».

Злые, усталые слёзы текли у Миши по щекам – слепоглухонемой. «Хотя, никто не говорил, что он немой, чего это я». В уме его рисовались картины их будущего, одна страшнее другой. «Как я скажу об этом Кларе?» – подумал он, и из груди его вырвалось непроизвольное, сдавленное рыдание. Рахель подошла к нему, обняла его крепко и сказала:

– Папа, они вне опасности, а это главное.

«Как же так? – думала Клара. – Это, наверное, из-за нехватки витаминов или из-за моего возраста. Нельзя так поздно рожать. Нельзя плодить...» – она захлебнулась страшной и жестокой, невысказанной и ещё невыплаканной мыслью.

В комнату зашла молоденькая медсестра:

– Давайте, мамочка, будем вставать понемножку. А то вы тут совсем залежались. А чего глаза мокрые, гормоны играют? – девушка запнулась на полуслове, разглядев Кларину фамилию на спинке кровати. Тон её изменился, стал вдруг серьёзным и очень добрым: – Не плачьте так. Всё будет хорошо. Вы к нему ходили уже?

– Нет, мне пока не разрешали вставать. Мне ещё его не показывали. А можно уже?

Клара вдруг испугалась до смерти, как будто ей хотели показать не её собственного ребёнка, а что-то из потустороннего мира.

– Нужно, и, вообще, хватит тут водопад разводить, – медсестра скрывала смущение напускным весельем. – Встаём на счёт «три» и потихонечку идём.

Клара встала, покачнулась и снова села на постели.

– Ещё разочек.

Вторая попытка оказалась более успешной, и Клара под

руку с медсестрой побрела к выходу из палаты. На неё, шушукаясь, стали оглядываться соседки. «Неужели все уже знают?» Глаза её снова наполнились слезами.

– Я здесь побуду сама, ладно? – попросила Клара. – Вы не переживайте, я обратно доберусь, – она выдавила из себя жалкое подобие улыбки.

Жадно устремив взгляд за окно, туда, где лежали несколько кричащих недоношенных младенцев, она стала разыскивать свою фамилию. Вдруг её внимание привлек крохотный мальчик. Он лежал недалеко от окна и тихонько посасывал собственную руку. У него было отточенное, какое-то недетское лицо. А глаза пронзительно-небесного цвета были широко открыты.

«Он», – шепнуло что-то внутри. Взгляд её скользнул на табличку на инкубаторе. Та, которую она так искала! И в этот момент как будто глыбу льда растопило где-то в районе сердца. Из глаз потекли тёплые солёные слезы, а на лице воцарилась мягкая улыбка.

«Маленький мой мальчик, я с тобой. Я всегда буду с тобой...»

Миша днями и ночами не вылезал из интернета. Оказывается, понятие слепоглухонемого вышло из обихода. Он зачитывался цитатами из Хелен Келлер, пытаясь ухватиться

за любую информацию, как тонущий за спасательный круг. К примеру, он отыскал сведения о достижениях советских педагогов, выучивших ребят с похожим диагнозом, и ребята эти достигли потрясающих успехов.

Рахель вдруг резко повзрослела и очень поддерживала родителей, оказавшись не по годам умной, доброй и отзывчивой. Миша с необыкновенной нежностью думал о том, что, если они вырастили такую дочь, они ещё многое смогут. Младшие дети реагировали на нового члена семьи достаточно естественно, слегка ревнуя и требуя внимания.

Клара же не хотела ничего читать, слышать и видеть. Она полностью отдалась материнству. Всеми фибрами своей души она полюбила этого мальчика. Слепой, глухой... Это не имело для неё никакого значения. Это был её мальчик. Её кровь и плоть и что-то ещё. Что-то, что она не могла определить словами. Они заканчивались, и оставалась одна чистая энергия любви, идущая напрямую. Нет, не из сердца даже – из недр бессмертной, вечной души человеческой.

Мир Арье состоял из пространственно-временной гаммы запахов, вкусов и прикосновений. Мягкое, податливое, тёплое, вкусно пахнущее сладким запахом молока преобладало. Было ещё несколько других, повторяющихся. Терпкое, чуть жестковатое и колючее. Мягкое, слегка напоминающее

первое, доминирующее, но без родного запаха молока. Иногда приходили иные запахи, чужие, незнакомые. Это пугало и заставляло сжиматься в комок, требуя поскорее знакомое, то, с чем связывала невидимая телепатическая нить. Стоило ему ощутить голод, тут же рот его ловил сладкое прикосновение материнского соска. И словно сама жизнь входила в него с каждым глотком. Если становилось холодно и мокро, заботливые руки совершали над ним таинственные процедуры, после которых становилось сухо, тепло и надёжно.

Его мир, сузившийся до пределов одной небольшой семьи, оказался наполненным до краёв вселенской, всепоглощающей и всепрощающей любовью. Клара же словно и не замечала его отличий от других её детей.

С первыми тремя в их младенчестве она была матерью ровно настолько, насколько это было нужно. Конечно, она всех детей любила. Но в глубине души тогда ей хотелось сбежать от всего этого и вернуться года через три, когда они повзрослеют и не будет этой её тотальной принадлежности другому существу. С Арие всё было совсем иначе. Ей хотелось быть с ним каждую минуту его существования. Она была безумно счастлива любым мгновением её материнской самоотдачи. Между ними царил невидимая связь, и ей хотелось просто жить, отдавая всю себя этому ребёнку.

– Мы никак не можем понять, в чём нарушение. Физиологически никаких отклонений не наблюдается. Скорее всего, речь идёт о неврологии. Нужно продолжать проверки. Кстати, насколько я понял, со слухом у него похожая картина. – Профессор шумно дышал, видимо страдая одышкой. – Поверьте, он в хороших руках, и всё, что возможно делать, мы делаем. Но для начала надо разобраться в сути проблемы. А он ещё очень мал. Мы отправим вас на дополнительные тесты. Пока что придётся набраться терпения.

Миша ловил каждое слово, слегка наклонившись вперёд. Клара слушала вполуха. На руках у неё спокойно лежал маленький Арик. Он подросток за эти полгода. Поначалу он практически не реагировал на окружающее. Но вот уже с месяц, как только она подходила поближе, на лице его воцарялась беззубая улыбка. Нос его подрагивал, внюхиваясь в знакомый запах, ручки тянулись в сторону мягкого и тёплого, того, что согревало и окунало с головой в поток любви. Он зримо ощущал это поле любви каждой клеточкой своего маленького тельца. Купался в нём, словно в тёплом море. Что-то оттаивало в его израненной древней душе, как сосулька, попавшая под ещё холодное мартовское солнце.

Пустыня, по которой он шёл, неожиданно заиграла многоцветьем красок. Тут и там мелькали признаки жизни: изу-

мрудной ящерицей, быстро скрывшейся за поворотом; ещё одиноким маковым цветком, подросшим на обочине. Он остановился около цветка. Ему вдруг захотелось смотреть на него не переставая. Вокруг ещё всё было серо и туманно. Но в этой маленькой точке шла своя жизнь. На стебельке удобно расположилась божья коровка. На бутон присела невзрачная белая бабочка.

– Иди, – вдруг услышал он, – иди, живи...

Чуда не произошло. А если и произошло, то оно оказалось удивительно будничным. Клара вдруг стала замечать, что её сын реагирует на звук и свет. Она боялась делиться с кем-то этим открытием.

Однажды, когда вся семья находилась в салоне, Йонька очень громко хлопнул входной дверью. И Арие заплакал. Миша и Клара переглянулись и заплакали вместе с ним. Миша подхватил его на руки и стал громко говорить ему что-то, смеясь и плача одновременно. Арик вдруг успокоился и заинтересованно замолчал, глядя на отца. Рахель улыбнулась и сказала, что знала: всё так и произойдёт.

Пустыня Арие превратилась в оазис, расцвеченный яркими красками, привнесёнными любовью близких ему людей. Впрочем, никакой особой метаморфозы не произошло. Просто любовь родных стала тем светом, который позволил ему

увидеть и услышать всю прелесть и красоту этого волшебного места, называемого жизнью.

Послесловие

Арие приоткрыл глаза, и первое, что он увидел, была его морщинистая, переделавшая много дел, рука. Вся в мелких конопушках, солнечных отметинах.

– Что, папа, плохо? – спросила сидевшая рядом с ним немолодая миловидная женщина.

– Всё хорошо, Клара, солнышко. Иди поспи. Пожалуйста.

Арие снова задремал. Перед ним калейдоскопом мелькали воспоминания его длинной нынешней жизни. Вехи пути. Мама... Волшебное воспоминание нахлынуло на него, и он ощутил её незримое светлое присутствие. Воспоминания о ней всегда приходили сладким запахом. Мама рассказывала ему историю его рождения, хотя сам он ничего не помнил. О его врождённом неизвестном недуге. О волшебном исцелении. О её любви к нему. Правда, об этом она могла не рассказывать. Её любовь сопровождала его на всём его длинном, порой нелёгком, жизненном пути. Это был его колодец. Оттуда он черпал силы, когда казалось, что они на исходе и пора уходить. Так было несколько раз. Тогда, когда он подростком чуть не умер от несчастной любви. Когда погибла в автокатастрофе его первая жена. Когда умерла ма-

ма, уйдя во сне, как, говорят, уходят лишь истинные праведники. Теперь он чувствовал, что время пришло. Срок истёк. Он жил любя и умирал сейчас – любя. Он чувствовал, что нашёл ответ на вопрос, который постоянно преследовал его. Не нужно задавать слишком много вопросов. Нужно просто жить...

Эстер

Как вку-усно пахнет.

– Мамочка, мои любимые! Спасибо, родная! Бейгалех с творогом и укропом...

Взгляд выхватил привычные предметы: печку, лавочку, любовно вышитые мамиными руками занавески. В окошко заглянуло весеннее солнышко. Птицы поют. Что может быть лучше такого утра? Такой жизни? Эстер потянулась, зажмурилась от счастья и... открыла глаза навстречу другой, страшной реальности.

Первое, во что упёрся взгляд, был бурый потолок. Ужасно болела шея, затёкшая после тяжёлого, беспробудного сна на деревянных нарах.

– Шнелер! Шнелер!

Глаза Эстер наполнились слезами от страшного несоответствия между той волшебной реальностью сна и этой, сегодняшней. Она на несколько секунд зажмурилась, пытаясь проснуться ещё раз, избавиться от кошмара, в котором оказалась. Но весь ужас был в том, что реальность была хуже любых ночных кошмаров. Память стала возвращаться к ней. Вчерашней былью об убитой сестре. Малка. Королева... Малка была старшей и всегда защищала Эстер насколько могла. Сначала от наглых мальчишек и дворовых собак, которых Эстер боялась до смерти. Потом от этих псов-нелю-

дей. А вчера Малку убили. Чем-то не понравилась она надзирателю. В голове Эстер, словно кадры немого кино, прокручивалась сцена, когда надзиратель поднял пистолет и буднично ткнул рукояткой в затылок сестры: «Уберите это, живо...»

– Шнелер! Шнелер!

Эстер очнулась и ринулась прочь из барака на ежедневную утреннюю переключку. Кому жить, кому умирать. Налетели все те, кто уже не мог работать. Направо – все остальные. Воздух, а точнее, то, что от него осталось, был пропитан едким, сладковатым дымом, а земля поутру становилась серая от золы.

«Малка. Шейнэ мэйдале. Кареглазая озорница, пацан в юбке. Малка, как я буду здесь без тебя? Не хочу. Не могу больше». Неведомая сила заставила Эстер встать в ряд, выпрямить спину, опустить взгляд.

– Шнелер! Тихо, я кому сказала! – Сегодня на дежурстве была белокурая бестия, отличавшаяся особым садизмом. – Ты, ты и ты – в санитарную команду, – она ткнула пальцем в сторону Эстер и её двух соседок. – Там понадобилась замена. Непонятно, почему там не задерживаются в последнее время, – рассуждала надзирательница вполголоса, как будто сама с собой.

Эстер, когда-то рыжая чуть полноватая красавица, напоминала сейчас собственную тень, бледное подобие челове-

ка без пола, лица и души. Потухший взгляд в землю, живот, словно прилипший к спине, обритая, с пробивающейся сединой голова, тонкие пальцы с намертво въевшейся грязью под обломками ногтей. Вот и всё, что осталось от семнадцатилетней огненной зеленоглазой селянки, пленявшей всех парней в округе.

«Санитарная команда», – словно обухом по голове, внутренним эхом прозвучали страшные слова. А ноги уже вели туда, куда требовательно толкали в спину.

Лагерь растянулся на сотни метров. Каждый шаг давался Эстер тяжело. Она словно раздвоилась. Часть её была там, в грязи по колено, в жутком пепле, покрывшем всё и вся. Другая её часть вспоминала еле уловимый запах детства, запах мамы, запах творожных бейгалех, которые Бог милостию послал ей в сегодняшнем сне. Она знала: это всё, что осталось у неё от этой жизни. Уйдёт и это, жизнь закончится. Где-то на самом кончике языка она почувствовала вкус творога с укропом.

– Шнелер!

Мокрая густая жижа не пускала ноги, словно говорила: «Остановись, отдохни». Но Эстер продолжала идти. Ей казалось, что путь их длится целую вечность и никогда не закончится. Но самая страшная точка во всём лагере будто шла ей навстречу и вот уже оказалась совсем рядом.

– Стоять. Тихо!!! – визжал фальцетом молодой надзиратель. Никто и не думал ему противиться.

– Ты, – он ткнул в Эстер пальцем, – шаг вперёд. Взяла тележку и шнелер. Шнелер!

Эстер, проглотив нахлынувшую откуда-то липкую, вонючую слюну, засемила в указанном направлении. Пустая тележка показалась ей непомерным грузом, но что-то гнало её вперед.

– Шнелер, я кому сказал! Вот же медлительные твари.

Их заставили обойти здание с тыльной части. Внизу открывалась маленькая, словно детская, дверка.

– Ваша задача – санитария. Кто будет работать хорошо, получит вознаграждение. Йа, йа, здесь у нас условия получше. У вас будет перерыв на обед, – молодого крикуна сменил пожилой, толстый и румяный, улыбчивый дядька.

Эстер почувствовала набежавшую дурноту, перед глазами стало темно, и она пошатнулась, навалившись на ручки тележки, тут же больно впившейся ей в живот и в бёдра. Надзиратель отвёл глаза в сторону. Этой доли секунды Эстер хватило, чтобы собраться с силами, выпрямить спину, опустить глаза в пол.

– Сейчас поступит новая серия. Работаем оперативно. Всё, что выходит, собираем на тележки и вывозим туда, – дядька махнул в сторону нескольких свежевырытых ям метрах в ста от здания.

– Вперёд! – громко сказал надзиратель, а потом прошептал почти про себя: – С богом!

За последние месяцы Эстер совсем ослабела. Страшная работа, поначалу сковывавшая её все члены диким ужасом, постепенно превратилась в рутину. И знакомая тележка, и смрад, и горы искалеченных трупов не оставляли уже почти никакого следа в её измученной душе.

Детство не возвращалось к ней даже в снах. Порой она глядела на себя со стороны и видела скелет, обтянутый кожей с трупными пятнами, везущий на тележке себе подобных.

Едва тёплая похлёбка, единственная еда, которую они получали раз в день, словно протекала сквозь неё, не задерживаясь. Постепенно всё земное стало отдаляться, и встреча с газовой камерой становилась неизбежной.

Шершавые тёмные стены, душевые краны поверху. Эстер казалось это таким будничным и знакомым. Она поняла, что не способна уже ни на какие чувства, даже на страх... Вместо воды комната стала заполняться стонами и всхлипами задыхающихся людей. Страшная судорога свела Эстер шею и горло. Сознание отключилось, и лишь в последнюю секунду в голове её возникло единственное слово: «Свободна...»

Послесловие

Свобода, свобода, я свободна... Я выберу себе другую жизнь. Жизнь с тёплыми булочками и кофе по утрам, жизнь, полную любви, радости, света. Я научусь. Научусь любить

этот мир и, отрицая скверну, видеть в нём тонкие, прекрасные черты. Радость узнавания будет сопровождать меня на каждом шагу, я стану себе и учителем, и ведомой, я проживу эту жизнь, испивая до дна это терпкое и душистое вино садов души моей. Я пойму, что смерть – это друг, смерть – это свобода нового выбора. Я пойму, что жизнь и смерть есть одно неделимое целое. Я узнаю, что страх – это иллюзия самозащиты. Я научусь давать и брать. Любить в первую очередь самоё себя, а потом уже и мир. Я научусь принимать себя целиком, со всеми моими «трещинками», с прошлым и будущим опытом. Я сумею, нет, я уже умею делать тикун – исправлять то, что должно быть исправлено светом и любовью.

А ещё я научусь плакать, потому что оставлю позади страшную связку: плач – это слабость и немедленная смерть.

Я узнаю об этом когда-нибудь, чтобы понять и найти причины, а пока – свобода, я наконец-то свободна...

Нати и Лоранс

Голландия, 1920 г.

Солнечный луч коснулся детской головки, словно играя, залил светом закрытые глаза. Сознание постепенно возвращалось к Нати. Свет не давал ему провалиться в тёмные глубины сна. Потянувшись в постели, Нати приподняла левое веко. Взору её предстала спящая старшая сестрица, свернувшаяся клубочком, словно маленький ёжик. Она лежала на высокой деревянной кровати в светлой кружевной постели. Белокурые локоны разметались по подушке. Казалось, сам Морфей, посети он эту комнату, примет Лоранс за маленькую богиню сонного царства. Нати перебралась в кровать к сестре, прижалась к ней, вдыхая знакомый тонкий запах.

Сколько она себя помнила, они с сестрой были не разлей вода. Даже одежду мама покупала им одинаковую, лишь цвета разные. Нати одевали в красное, лиловое и розовое, а Лоранс – в голубое, или бирюзовое, или белое. Лоранс была старше Нати года на полтора, но Нати казалось, что она и Лоранс – близняшки. Они не были похожи внешне, Нати – тонкая смуглая брюнеточка с маленьким носиком и пухлыми щёчками. У Лоранс же светлые волосы с лёгким огненным

оттенком, громадные зелёные прозрачные глаза и светлая, чуть светящаяся кожа, какая бывает только у по-настоящему рыжих.

Их сходство заключалось где-то глубоко внутри. Часто Нати начинала предложение, а Лоранс его заканчивала. Им постоянно в голову приходили одни и те же мысли, и даже шалили они абсолютно одинаково. Так что доставалось обеим, даже когда виновата была одна, так как истинную виновницу не нашёл бы и Шерлок Холмс со своим знаменитым методом дедукции. Нати начала читать очень рано, и Шерлок Холмс был её любимым героем.

Мама умерла в прошлом году в страшных муках. Девочек растили отец и тётя, родная сестра матери, которой к тому времени исполнилось тридцать пять. Отец, известный в городе адвокат, видел девочек в основном по субботам и воскресеньям и был с ними необычайно ласков. Тётя же, наоборот, была сурова и строга. Никогда не имевшая своей семьи, она проводила с девочками практически всё время, вложив нерастраченную энергию в их воспитание.

Голландия, 1930 г.

Злые, бессильные слезы непрерывно лились из карих глаз. «Он отбирает её у меня насовсем. Увозит за тридевять земель, в эту пустыню, где только и есть что верблюды да бедуины. Подумать только, модница и красавица Лоранс с её

молочной кожей, рыжей копной волос и экстравагантными нарядами в пустыне с верблюдами. Она совсем сошла с ума из-за этого омерзительного янки. И что она в нём нашла-то!»

Нати попыталась унять рыдания. Она сидела перед трюмом в спальне в красном платье с глубоким декольте, которое скорее подошло бы взрослой женщине, чем юной девочке. Ей недавно исполнилось восемнадцать, и с тех пор она всеми силами пыталась показать свою взрослость и независимость.

А ведь ещё год назад ни о чем подобном не было и речи. Пока Лоранс не встретила Жозефа на одной из вечеринок, которые они так полюбили за последние два года. С тех пор как Лоранс исполнилось восемнадцать, ей и младшей сестре за компанию были официально разрешены выходы в свет.

Жозеф был ярым сионистом и заразил этим вирусом и Лоранс. Они решили пожениться и отправиться в Палестину.

«Только вот про меня сестрица как-то слишком быстро забыла». Нати усилием воли остановила солёный водяной поток. На свадьбе будет Курт, и нельзя, чтобы она выглядела зарёванной и опухшей, как последний пьянчуга. Она умылась холодной водой, постояла у окна, успокаиваясь, глядя на зелёный благоухающий сад, где цвела вишня и стоял густой, чуть сладковатый аромат. Они жили в замечательном, тихом месте. В воздухе разливалась весенняя бодрящая прохлада. Пение птиц, казалось, проникало Нати прямо в душу. Природа всегда была лучшим лекарством. Умиротворение и смирение с неизбежным снизошли на неё, и она решила

отдаться течению волн. Против них ведь всегда так тяжело плыть...

Мысли её переключились на Курта. Он был старше её лет на семь, работал помощником её отца и, несмотря на молодость, сумел завоевать себе отличную репутацию. Но самое главное в Курте было то, как он смотрел на Нати. Когда она ловила его взгляд, то чувствовала себя покорительницей Вселенной. Казалось, все сокровища мира лежат у её ног, и если она захочет, то и вон та звезда, и луна, и солнце остановятся ради неё. Взгляд его, всегда жёсткого, харизматичного молодого человека, превращался вдруг во взгляд маленького беззащитного щенка. Казалось, он молил: «Поиграй со мною, хоть капельку». Эта беззащитность, однажды замеченная Нати, проникла ей глубоко под кожу, отдалась тянущей сладкой болью внизу живота и наконец достигла своей цели, став частью её природы, достигнув самых неизведанных глубин её сердца.

Кроме этих взглядов, между Нати и Куртом ещё ничего не произошло. Но они оба обладали сокровенным знанием, словно уже заглянули в будущее. Они связаны неразрывной нитью, и между ними очень скоро случится то, что обязательно должно случиться.

Нью-Йорк, 1940 г.

Нати погладила свой круглый громадный живот, и в кото-

рый раз взгляд её непроизвольно опустился на фотографию, стоящую на прикроватной тумбочке. С чёрно-белого снимка на неё смотрел молоденький, хорошенький рыжий мальчик в коротких шортах и футболке. В руках у мальчика была лопата, он стоял посреди поля и задорно улыбался. И лишь лёгкое несоответствие в районе грудной клетки выдавало в панцёнке молодую женщину. Нати вглядывалась в фотографию снова и снова, словно пытаясь найти в этом Гавроше свою Лоранс, красавицу и модницу. И эта девчонка – мать троих детей?

Нати переместила взгляд на висящую на стене фотографию собственного семейства, сделанную около полугода назад. Серьёзный, подтянутый Курт выглядел старше своих лет, рядом с ним расположилась сама Нати, чуть располневшая после очередных родов и уже беременная ещё одним младенцем. В нижнем ряду – двое очаровательных деток: мальчик шести лет, Марк, и Эва – совсем ещё крошечная, глазастая девочка, чем-то неуловимо напоминающая маленькую Лоранс.

Нати вспоминала события недавнего прошлого. Как только Гитлер пришёл к власти, её муж решил срочно эмигрировать в Америку, благо связей у преуспевающего адвоката хватало. Более того, каким-то непостижимым образом он сумел уговорить отца и тётку, известных патриотов. В Америке Нати полностью погрузилась в тихое семейное существование, её с головой поглотили заботы о детях, о Курте, о ста-

реующем отце. Она почти и не скучала о Лоранс. Та превращалась постепенно в призрак из её детства, в горько-сладкое воспоминание, и только редкие весточки из Палестины тревожили душу, напоминали о том, что кусочек её сердца оторван и услан за тридевять земель...

Курт, по-видимому, родился человеком, настроенным на успех. В Америке он поступил на работу в одну из самых известных нью-йоркских контор и, как и везде, где он находился, вскоре превратился в одну из ключевых фигур компании.

Но что-то мешало им всем наслаждаться безбедной светской жизнью. Что-то проникало в их души из тёмных углов мироздания, нависало над ними и их народом дамокловым мечом и не давало ни вздохнуть, ни выдохнуть по-настоящему свободно. В воздухе стояло невероятное напряжение. Нати порой казалось, что она ощущает его не на метафизическом, а на вполне реальном, физическом уровне. У неё часто ныло где-то слева, в области сердца, хотя она и пыталась спрятаться и закрыться в своём таком надёжном личном пространстве тихого счастья.

Редкие письма Лоранс очень волновали Нати. Лоранс писала об опасности, о страшном испытании, выпавшем на долю европейского еврейства. Она писала и об ответственности, которая лежит на плечах евреев Палестины и Америки. Нужно что-то делать, писала Лоранс, Иосиф, так его зовут здесь, вступил в британскую армию, чтобы воевать с фаши-

стами, а у неё самой есть важное дело, которым она занимается...

Нати чувствовала, что Лоранс многого не договаривает, но оно и к лучшему. В её положении Нати не могла бы вынести всей правды.

«Что я могу? Только позаботиться о Курте и детях. Я всего-навсего хрупкая женщина... Господи, отведи от нас все беды и несчастья! Дай нам силы выстоять и выжить!» И непонятно было даже ей самой, о ком она молится: о себе, о Лоранс или о тех шести миллионах, которым ещё предстояло умереть...

Письмо Лоранс к Нати. Израиль, Иерусалим, ноябрь 1950 г.

«Здравствуй, моя девочка. Я давно не писала, прости меня, слишком много радости и горя выпало на мою долю за несколько прошедших лет.

Знала бы ты, родная моя, какое это счастье, когда дело всей твоей жизни даёт долгожданные, выстраданные, терпкие плоды. Какое ликование охватило нас всех, как мы почувствовали себя вновь единым народом, единым организмом. Свобода и независимость. Независимость от милости других, тех, кто показал своё истинное лицо во всей его красе. Зло, ненависть и равнодушие – вот удел слабых. И отныне быть нам сильными и защищать себя самим. Любовь моя, я

знаю, что звучит это всё пафосно и, возможно, даже смешно со стороны, но если бы ты знала о рассказах тех, кто вернулся из ада, знала о зверствах, творимых «культурными» людьми, то не показались бы тебе эти слова ни нелепыми, ни смешными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.